

**С. П. Перегудов,
доктор исторических наук,
ИМЭМО РАН**

Гражданское общество, власть и бизнес

Подготовка и проведение московского гражданского форума (в ноябре 2001 г.), а также многочисленные последующие мероприятия такого рода на местах выявили неожиданное для многих широкое поле гражданской активности, осуществляемой массой самых различных самодеятельных (некоммерческих) организаций (НКО). Как бы сам собой возник и начал широко дискутироваться вопрос о роли и месте этих организаций в системе общественных отношений страны. Общепризнанной стала их ключевая роль в становлении гражданского общества, необходимость всемерного поощрения их развития. Отвергнуты были попытки строить их отношения с властью на принципах иерархии (власть наверху, организации гражданского общества —

внизу) и общепризнанными стали начала партнерства, на которых они должны основываться.

Весьма существенное достижение данной дискуссии — преодоление догмы о "неполитическом" характере гражданского общества, по сути дела, исключавшей из сферы его активности отношения с государством и его институтами. Предметом дискуссий были уже не целесообразность (и необходимость) этих отношений самих по себе, а их формы и характер.

Гораздо меньше внимания уделялось проблеме налаживания конструктивных отношений НКО с бизнесом, что привело к практически полному игнорированию проблемы трехстороннего взаимодействия НКО, бизнеса и государства на принципах нового социального партнерства, которое, на мой взгляд составляет одно из решающих условий развития и самого гражданского общества и полноценной политической системы, основанной на принципах демократии и заинтересованного политического участия масс.

В соответствии с данной концепцией основой социал-партнерских отношений должно стать конструктивное взаимодействие на общественной арене трех сил — государственных структур (первый сектор), коммерческих предприятий (второй сектор) и некоммерческих организаций (третий сектор). Тем самым постулируется принцип полноценного участия в указанном взаимодействии всех трех секторов, причем само это участие должно распространяться уже не только на сферу труда и трудовых отношений, но и на все гражданское общество, которое через свои организации и объединения призвано становиться полноправным и полноценным "контрагентом" бизнеса и государства.

Как материалы проведенных во второй половине 1990-х годов социологических исследований, так и последующие изыскания, в том числе мои собственные, убеждают в том, что определенные предпосылки для продвижения, пусть и крайне медленного, к новой трипартистской системе в России постепенно начали создаваться. И самой главной из них явились сдвиги, происходящие в самом обществе, — количественный и качественный рост НКО.

Гражданские инициативы и НКО демонстрируют определенную динамику и, соответственно, можно прогнозировать их дальнейшее развитие как на федеральном, так и на региональном уровне.

О том, что и на этом последнем уровне налицо более или менее ощутимые сдвиги, свидетельствуют данные, опять же из первых рук, которыми я располагаю по Пермской и Ленинградской областям, а также по Республике Коми.

Как эти, так и многие другие данные и факты опровергают утверждения ряда наших уважаемых ученых и публицистов о якобы наблюдающемся в России вакууме гражданской активности или о ее хаотическом характере (я имею в виду, в частности, выражения типа "демократическая толпа" и т.п., которые можно иногда слышать даже в весьма престижных аудиториях).

Конечно же, полноценного гражданского общества в России еще нет, и с этим никто не спорит. Но то, что в России формируется гражданское общество — это неоспоримый факт, и весь вопрос в том, как влияют или могут повлиять на этот процесс его отношения с властью и бизнесом.

Что касается государства и его представителей, то начиная с лета 2001 г., когда впервые заговорили о гражданском форуме и началась довольно интенсивная подготовка к нему, власти всех уровней стали все решительнее декларировать свою заинтересованность в диалоге с НКО, а также в создании различного рода структур, призванных сделать этот диалог органической частью системы взаимодействия общества и государства.

Примечательно, однако, что на уровне регионов и городов такая заинтересованность выявилась гораздо раньше.

Значительно больше проблем возникало и возникает с участием третьей стороны нового социального партнерства, каковым, по идее, является бизнес. Как на федеральном, так и на региональном уровне возросший интерес властей к сотрудничеству с НКО исходил из той посылки, что оно должно носить, как правило, двусторонний характер. Об участии бизнеса в этом взаимодействии либо совсем не упоминалось, либо упоминалось вскользь.

Судя по всему, и на федеральном, и на региональном уровнях власти полностью или почти полностью удовлетворились чисто формальным участием организаций бизнеса в трехсторонних комиссиях традиционного трипартистского толка, где от общественных организаций представлены лишь профсоюзы.

Нужно сказать, что и сам бизнес отнюдь не стремился вступить в тесные отношения с НКО или же подключить их к той формализованной системе взаимодействий, которая начала складываться между ним и институтами государственной власти. И представителям государства, и бизнесменам эти организации представлялись скорее как "третий лишний", без которого налаживать сотрудничество и согласовывать интересы и проще, и, что называется, свободнее.

Справедливости ради следует сказать, что и сами НКО, и поддерживающие их ресурсные центры довольно долгое время не проявляли особого интереса к вовлечению бизнеса в то взаимодействие, которое они начали устанавливать с властями (или же власти с ними). Подпитываемые в течение довольно длительного времени грантами и иными субвенциями зарубежных спонсоров, они и от отечественного бизнеса ожидали, да и до сих пор ожидают преимущественно материальной поддержки. Не удивительно, что новое социальное партнерство во многих случаях обретало, да и сейчас обретает, мягко говоря, неравновесный характер.

Впрочем, наиболее дальновидные аналитики, изучающие проблемы отношений гражданского общества, бизнеса и государства, уже достаточно давно начали ставить вопрос о необходимости транс-

формации сугубо благотворительной, спонсорской деятельности бизнеса — в деятельность, основанную на принципах нового социального партнерства¹.

Где-то ближе к концу 1990-х годов наметилось и практическое продвижение, хотя и крайне медленное, в данном направлении. Одной из форм его явились конкурсы и ярмарки проектов, организованных местными властями и центрами поддержки некоммерческих организаций.

В подавляющем большинстве случаев в ходе проведения ярмарок и конкурсов бизнес выступает в качестве спонсора, однако учащаются случаи, когда отдельные компании и корпорации выступают в роли и организаторов, и участников всего процесса прохождения представленных проектов, отбора победителей и церемоний вручения грантов и свидетельств. Этому в не малой степени способствуют усилия и местных властей, и организаций, представляющих НКО.

При всей значимости такого рода разовых мероприятий не им принадлежит (или, точнее, должна принадлежать) главная роль в системе нового социального партнерства. Как свидетельствует богатейший зарубежный опыт взаимодействия общественных и государственных структур, основной формой трехсторонних отношений являются механизмы постоянного взаимодействия, прочно инкорпорированные в политическую организацию этих стран (так называемая комитетская система).

Игнорируя и этот опыт, и упомянутые выше современные концепции социального партнерства, некоторые наши политологи, и весьма авторитетные, полагают, что сейчас в России уже практически создалась, хотя и не до конца оформилась, оптимальная для наших условий система государственного управления и связей общественных и государственных институтов. Это так называемые вертикали власти. Первая из них — чисто политическая: президент—правительство—федеральное собрание, федеральные округа, регионы, местное самоуправление. Вторая — общественно-политическая: президент—правительство-большой бизнес; президент—правительство—средний и малый бизнес; президент—правительство и институты гражданского общества. Как первая, так и вторая "вертикали" проецируются также на региональный и местный уровни, где они, как предполагается, рано или поздно должны заработать.

По-моему, мы сталкиваемся здесь с глубочайшим заблуждением, в основе которого лежит посылка, что власть должна сепаратно, отдельно взаимодействовать с бизнесом и отдельно — с НКО, т.е. с гражданским обществом. Между тем, как показывает тот же мировой опыт, влияние гражданского общества и НКО на принятие

¹ *Либоракина М. и др.* Социальное партнерство. М., 1996. С. 77-83.

решений, затрагивающих интересы отдельных общественных групп и общества в целом, может быть реальным лишь в случае их включения в трехстороннюю систему социального партнерства. Прямые отношения НКО с властью во многих случаях полезны, но основной круг общественно-значимых вопросов власть согласует с бизнесом и в первую очередь корпоративным. Поэтому включение НКО именно в эту систему согласований дает наиболее значимый эффект и ничем не может быть заменено или компенсировано.

Однако для того чтобы осуществить такое включение, необходимы не те или иные косметические меры или "подвижки", а кардинальное совершенствование всей политической системы, в которой практически отсутствуют механизмы адекватного представительства интересов, а значит, и действенные каналы прямых и обратных связей между обществом и государством.